

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

В. И. ЛЫТКИН

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВАРНОГО СОСТАВА ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ

1

Вульгаризаторы марксизма из школы Н. Я. Марра, считавшие сравнительно-исторический метод антиисторическим, делали упор на стадийный анализ явлений языка и строили историю языка не на фактическом материале, а на гадании, опираясь на голословные утверждения и «этимологии» Марра, добытые пресловутым четырехэлементным анализом. Поэтому в годы аракчеевского режима подлинно исторической разработки пермских языков не было.

Классики марксизма-ленинизма в своих высказываниях о языке не только дают методологические установки, но и отмечают важность изучения истории языка и указывают источник и приемы исторического исследования фактов языка. На важность исторического изучения языка и на источники исторической грамматики указывал еще Энгельс: «...„материя и форма родного языка“ только тогда могут быть поняты, когда прослеживают его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки»¹.

В свете высказываний классиков марксизма-ленинизма задачей истории пермских языков является изучение исторических изменений этих языков, развития их фонетической системы, грамматического строя и лексического состава в связи с историей общества и развитием языков «... от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным...»².

Игнорирование сравнительно-исторического языкознания исследователями марровского толка привело, например, к тому, что этногенез (происхождение народа) удмуртов и коми рассматривался изолированно, вне всякой связи с этногенезом народов, говорящих на родственных языках, даже на самых ближайших. Увлекаясь марровской теорией автохтонности (исконно местного происхождения) народов, теорией самостоятельного возникновения (обусловленного), по Марру, наличием одинаковой структуры общества) разных родственных языков или даже диалектов одного языка на разных территориях, марристы голословно отрицали всякие доисторические передвижения предков удмуртов и коми и всякие доисторические языковые заимствования.

Между тем разграничение заимствований от исконных слов, восходящих к языку-основе, возможно только при применении сравнительно-исторического метода. При таком разграничении ориентируются не на

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 327.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 12.

случайное созвучие, а на звуковые закономерности и значение слов, которые бытуют и бытовали в данном языке (или языковой семье) и в соседних языках (или языковых семьях). Кроме того, при установлении факта заимствования берется в расчет та историческая обстановка, в которой находился данный народ.

Заемствованные слова обычно имеют иную звуковую характеристику, чем исконные слова, они представляют отклонение от звуковых соответствий, фигурирующих в словах родственных языков. В обско-угорских языках, например, финно-угорские фрикативные *с* (*з*), *ш* не сохранились, а перешли в *т* (*т'*, *л*, *й*, *Δ*), например:³

коми	морд.	мар.	фин.	манс.	хант.	русск.
<i>сён</i>	<i>сан</i>	<i>шён, шун</i>	<i>suone-</i>	<i>таан</i>	<i>тон, йан</i>	<i>эсила (вена)</i>
<i>сён</i>	<i>сэпэ</i>	—	<i>sappe-</i>	<i>таан</i>	—	<i>желчь</i>
<i>шыр</i>	<i>шэйэр</i>	—	<i>hiire-</i>	<i>таагэр</i>	<i>тэгэр</i>	<i>мышь</i>
<i>поз</i>	<i>пиэа</i>	<i>пэсаи</i>	<i>pesä</i>	<i>пити, пэт</i>	<i>пит, под</i>	<i>гнездо</i>
<i>коз</i>	<i>куэ</i>	<i>кож</i>	<i>kuuse-</i>	<i>ковт</i>	<i>хут, хут'</i>	<i>ель</i> ³
					<i>ход</i>	

Однако в этих языках имеются слова со звуками *с*, *ш*, соответствующие (не только в отношении этих спирантов, но и в отношении других звуков и значения) словам языка коми. Таковыми являются, например, следующие: хант. *мартас*, манс. *мортэс* «мера» (к. *муртос* «мера», *муртавы* «мерять»); хант. *шайот* «прут, рубль» (к. *шайт*, *шать*); хант. *сут* «точильный брусок» (к. *зуд*; в хантыйском языке звонких согласных нет); хант. *пуш* «решето» (к. *лож*, к.-язьв. *пуж*); хант. *туш* «борода» (к. *тош*, к.-язьв. *туш*); хант. и манс. *мис* «корова» (к. *мös*, к.-язьв. *мös* с переднерядным огубленным *ö*); хант. *пэзан*, манс. *пасэн* «стол» (к. *пызан*, к.-язьв. *пэзан* с безударным *ө*, представляющим собою более узкое и несколько отодвинутое назад *a*); хант. *истэк* «спички» (к. *истöг*, *изтöг*); хант. *ширт* «нитка, пряжа» (к. *шöрт*); хант. *йэрнас* «рубашка» (к.-перм. *йэрнös*) и т. д.

Этих слов хантыйского и мансийского языков нет в близкородственном им языке — венгерском. С другой стороны, указанным словам коми языка имеются соответствия в других родственных языках: удмуртском, марийском, мордовском и т. д. В таких случаях мы имеем основание считать указанные слова не исконными хантыйскими и мансийскими словами, унаследованными из языка-основы, а заимствованиями из другого языка (в данном случае из языка коми, поскольку эти слова коми языка фонетически и по значению полностью соответствуют словам обско-угорских языков).

Исследовательские приемы сравнительно-исторического языкознания, в отличие от марровского палеонтологического метода, имеют под собой твердую научную почву. Сравнительно-историческое языкознание отрицает связь между характером звучания и характером значения слова или

³ В настоящей статье приняты следующие сокращения: и.-е. — индоевропейский, ф.-у. — финно-угорский, авест. — авестийский, афган. — афганский, башк. — башкирский, венг. — венгерский, вепс. — вепсский, др.-инд. — древнеиндийский, др.-перм. — древнепермский, казан.-татар. — казанско-татарский, кар. — карельский, к.-коми, к.-з. — коми-зырянский, к.-перм. — коми-пермяцкий, к.-язьв. — коми-язьвинский, курд. — курдский, лапл. — лапландский, лив. — ливский, манс. — мансийский, мар. — марийский, морд. — мордовский, мундж. — мунджаковский, ненец. — ненецкий, осет. — осетинский, перс. — персидский, пехл. — пехлевийский, саам. — саамский, санскр. — санскрит, тадж. — таджикский, удм. — удмуртский, фин. — финский, хант. — хантыйский, эрзя-морд. — эрзя-мордовский, эст. — эстонский; коми диалекты: вым. — вымский, в.-вым. — верхневымский, выч. — вычегодский, н.-выч. — нижневыходский, ижем. — ижемский, кобр. — кобринский, луз. — лузский, л.-л. — лузско-летьский, печ. — печорский, сыкт. — сыктывкарский, сыс. — сысольский, удор. — удорский.

морфемы. Поэтому, когда мы в разных языках находим одинаковые или созвучные слова с одним или близкими значениями, то мы вправе предположить существование единого источника для таких слов (например, к мун- «идти», удм. *мын-*, фин. *теп-*, саам. *манна-*, хант. и манс. *мон-*, венг. *теп-* и т. д.). При этом заимствованные языковые элементы необходимо отделять от исконных слов: нельзя, например, сравнивая к. *кудель* (из соврем. русск. *куделя*) с фин. *куонтэли* (из др.-русск. * *кондель*), говорить о том, что эти слова восходят к финно-угорскому языку-основе.

Не считая язык надстройкой, а следовательно, отрицая самозарождение одинаковых слов на разных территориях, от Дуная и Прибалтики до Волги и Оби, мы должны искать этот единый источник где-то на более узкой территории. Таким образом, мы должны признать доисторические передвижения народов, говорящих на финно-угорских языках.

Ф. Энгельс, сам применявший сравнительно-исторический метод в своих лингвистических исследованиях и некогда лелеявший «...смелую мысль разработать сравнительную грамматику славянских языков...» (он отказался от нее лишь «...после того, как эту задачу с таким блестящим успехом выполнил Миклошич»), дает весьма высокую оценку индоевропейскому сравнительно-историческому языкознанию⁴.

2

Сравнительно-исторический метод к финно-угорскому материалу был применен довольно рано. Еще в конце XVIII в. вышли труды венгерских ученых, в которых подвергался сравнению не только лексический, но и грамматический материал финно-угорских языков⁵. По словам акад. М. Жираи, иностранные историки лингвистики называют венгерского ученого С. Дьярмати «отцом современной сравнительной лингвистики»⁶.

Однако более обстоятельно историко-сравнительное изучение этой языковой семьи произведено было значительно позже: сравнительный словарь финно-угорских языков венгерского ученого Буденца, которого считают основателем финно-угорского сравнительного языкознания, вышел только в 1873—1881 гг., а его сравнительная морфология — в 1884—1894 гг.

За последние 70—80 лет нашими отечественными (Андерсон, Веске, Сетэле, Бубрих и т. д.) и венгерскими учеными (Синней, Гомбоц, Мелих и т. д.) немало сделано по сравнительному изучению финно-угорских языков. Мы имеем в этом отношении определенные достижения. Автор настоящей статьи ставит своей задачей познакомить читателей с некоторыми из этих достижений в области исторической лексикологии.

Памятуя о том, что развитие словарного состава особенно тесно связано с жизнью общества, мы обращаем особое внимание на выяснение той исторической и географической обстановки, в которой находились отдаленные предки коми и удмуртов, на первоначальную родину их, на соседние народы и т. п. Сравнительным языкознанием установлено, что финно-угорские языки (удмуртский, коми, марийский, мордовский, эстонский, венгерский, хантыйский и т. д.), составляющие одну группу (семью), происходят из единого общего источника — финно-угорского языка-основы

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 245. См. также Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, Госполитиздат, 1951, стр. 304.

⁵ См. J. Sajnovics, *Demonstratio, Hafniae* (Копенгаген), 1770; S. Gyarmathi, *Affinitas Linguae Hungaricae cum Lingvis Fennicae Originis grammaticae demonstrata*, Göttingen, 1799.

⁶ M. Zsirai, *Sámuel Gyarmathi, Hungarian pioneer of comparative linguistics*, «Acta Linguistica», Budapest, 1951, t. I, f. 1, стр. 5—17.

Родственные отношения между современными, далеко отошедшими друг от друга финно-угорскими языками приблизительно такие же, какие и между языками индоевропейской семьи; так, например, между финским и удмуртским языками сходных черт столько же, сколько между русским и немецким, а между языками внутри пермской ветви — как между славянскими языками. Установлено также, что финно-угорские языки находятся в родстве с самодийскими языками, вместе с которыми составляют уральскую языковую семью⁷.

Данные финно-угорского сравнительного языкознания, а также данные археологии и этнографии позволяют предположительно судить о времени и месте существования того этноса (народа), которому, повидимому, принадлежал язык-основа. Данные археологов (например, проф. А. Я. Брюсова) говорят о том, что в IV—V тысячелетиях до н. э. происходит освоение севера Европейской части СССР с востока, путем расселения обитателей Среднего Урала, а «в 3—2 тысячелетиях до н. э. наблюдается новая волна расселения по северу Европейской части СССР, исходящая в основном из Волго-Окского междуречья»⁸.

«Преимственность, наблюдаемая в типах вещей, между некоторыми неолитическими северными культурами и более поздними культурами, несомненно принадлежавшими финским племенам, и прослеживаемая археологическая общность происхождения большинства северных неолитических культур с ямочно-зубчатой керамикой (на Европейской части СССР) позволяют видеть в племенах, заселивших в древности Европейскую часть СССР, далеких предков позднейших финских племен»⁹.

Очень сложным является вопрос о месте бытования народа, говорившего на уральском языке-основе и, позднее, на финно-угорском языке-основе. Как будто в настоящее время между лингвистами, археологами и этнографами нет существенных разногласий в том, что первоначальная родина уральцев и угро-финнов была где-то в Восточной Европе, в лесной полосе, поблизости от индоевропейских (в частности, иранских) народов, что языковое единство угро-финнов еще имело место приблизительно 2500 лет до н. э., а уральское языковое единство было около 4000 лет до н. э. Однако археологи до сих пор не могут дать удовлетворительного ответа на вопрос, какая культура принадлежала народам, говорившим на уральском и финно-угорском языках-основах.

Среди ученых до сих пор нет единого мнения относительно более точного определения территории первоначального местожительства как народа, являвшегося носителем уральского языка-основы, так и народа, говорившего на финно-угорском языке-основе. Тем не менее тот общий словарный слой уральских языков, который выявлен сравнительно-историческим методом, говорит о северном происхождении уральцев, или, вернее, того народа, который говорил на уральском языке-основе. В последнее время ученый демократической Венгрии И. Н. Шебештьен в работе «К вопросу о древней области распространения уральских народов»¹⁰ подвергла серьезному исследованию древние названия рыб, животных и деревьев,

⁷ После появления капитальной работы Г. Паасонена (H. Paasonen, Beiträge zur finnisch-ugrisch-samojedischen Lautgeschichte, журн. «Keleti szemle», Budapest, тт. XIII—XVII, 1912—1917), в которой путем сопоставлений сотен слов устанавливаются вполне закономерные звуковые соответствия, вопрос родства финно-угорских языков с самодийскими не является дискуссионным.

⁸ См. Тезисы докладов и выступлений сотрудников Института истории материальной культуры АН СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований, М., 1951, стр. 23.

⁹ Там же.

¹⁰ См. I. Sebestyén, Zur Frage des alten Wohngebietes der uralischen Völker, «Acta Linguistica», Budapest, 1952, t. I, f. 2—4, стр. 273—346.

встречающиеся в уральских языках, и пришла к весьма интересному выводу относительно первоначальной родины уральцев. Позволю себе привести цитату из названного труда. «А что касается приблизительных границ древнейшего местожительства уральских народов, то на основании названий порки и благородного лосося можно утверждать, что эта территория на востоке не могла перешагнуть за линию Урала... Северная граница уральской прародины не превысила северной широты границы произрастания типично северных лиственных пород в Северо-Восточной Европе. Таким образом, она в северном направлении лежала в верховьях и среднем течении р. Печоры, равно как и по берегам р. Ижмы. Что прауральская родина имела протяжение до берегов океана или моря, об этом не имеется никаких биогеографических сведений, но можно предполагать, что прауральские народности имели уже некоторые представления о существовании океана или моря. Уральская прародина на западе обнимала по меньшей мере область, лежащую в верховьях и около среднего течения р. Вычегды. Обнимала ли она всю территорию речной системы р. Вычегды, или низовья р. Сухоны, или же окрестности вдоль рр. Юга и Лузы — это за неимением биогеографических данных неизвестно. Можно установить только то, что западную границу прародины надо искать внутри западного предела распространения пихты. На юге прародине принадлежали территории, находящиеся около верховьев р. Камы и ее притоков, изобилующих рыбами рода *Acipenser* (осетр, стерлядь).

Обращает на себя внимание то, что уральский праязык содержал слова, которые не принадлежали к исконному фонду уральской лексики. Они заимствованы из турецких языков, и это свидетельствует о том, что уральские племена когда-то имели тесные сношения с турецкими народностями. Эти сношения имели место, вероятно, еще в доуральскую эпоху. Помимо этого, в уральском праязыке имелись также и заимствования из индоевропейского праязыка. Они старше единиц словарного фонда угро-финского праязыка, как это было подчеркнуто еще Паасоненом. Из этого можно заключить, что древнейшее местожительство уральских народов было смежно с прародиной индоевропейцев и в эпоху уральского праязыка общность языка среди индоевропейских племен еще существовала»¹¹.

Что касается вопроса о первоначальной родине носителей финно-угорского языка-основы, то, по мнению Э. Н. Сетэля, ее «...надо искать в области среднего течения р. Волги. Эту область, в частности район между излучиной Волги и р. Камой, равно как и районы, примыкающие к северной стороне названной излучины и восточным берегам р. Камы, было бы желательно обследовать с археологической точки зрения, имея в виду упомянутое предположение»¹². Венгерский академик М. Жираи высказал мнение о том, что «древнейшее местожительство предков угро-финнов нужно искать в холмистой области, лежащей между излучиной Волги и Уральским хребтом»¹³. Синней также более правдоподобным считает мнение о существовании первоначальной родины угро-финнов в области среднего течения Волги¹⁴.

Совсем недавно венгерский ученый Петер Хайду высказал мнение о том, что данные биогеографии животных и растений позволяют считать древнейшим местом сосредоточения финно-угорских родов среднее течение Волги и Камы, хотя, как он указывает, на севере угро-финны, возможно, до-

¹¹ I. Sebestyén, указ. соч., стр. 344—345.

¹² См. там же, стр. 343.

¹³ См. там же.

¹⁴ См. J. Szinyei, *Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft*, Berlin — Leipzig, 1922, стр. 17.

ходили до истоков р. Печоры, на юге — до устья р. Белой, а на западе — вплоть до р. Оки. Петер Хайду считает также возможным, что область, занимаемая финно-угорскими родами, охватывала и восточные склоны Урала и даже часть Западной Сибири¹⁵.

И. Шебештьен, занимавшаяся всесторонним изучением этой проблемы, пришла к несколько иному выводу: по ее мнению, первоначальную родину угро-финнов надо искать на территориях, расположенных значительно севернее, чем предполагали до сих пор. «Является весьма вероятным, — пишет И. Шебештьен, — что прародина угро-финнов отчасти совпадала с древнейшим местожительством прауральских народностей; она обнимала области, находящиеся около низовья и среднего течения р. Вытегды, включая и окрестности р. Сысолы... она распространилась и на верхнее и среднее течение р. Вятки, равно как и на районы, лежащие на берегах притоков названных участков рек. ... На юге Чепца, а на юго-востоке Чусовая были наиболее значительными реками, на берегах которых проживали угро-финские племена в конце эпохи угро-финского общежития.

На юге или юго-западе от угро-финской прародины проживали праарийские племена, от которых угро-финны научились свино- и пчеловодству. Финское название поросенка *porsas*, равно как и соответствующие ему слова в языках мордовском, удмуртском, коми и манси, обозначающие „свинью“ или „поросенка“, являются заимствованными из арийского праязыка. Подобное можно сказать и о названиях пчелы (*Apis mellifica*: ср. венг. *méh*, фин. *mehiläinen* и т. д.) и меда [ср. венг. *méz*, фин. *mesi* (*mete-*) и т. д.], которые поступили также из арийского праязыка. Праарийские племена проживали наверно в местах, где условия оказывались благоприятными для развития лесного пчеловодства. Таковыми являлись области около среднего течения Волги и в низовьях р. Камы...»¹⁶

Если считать правильным мнение И. Шебештьен о первоначальной родине угро-финнов, то нужно сказать, что финно-угорские племена еще в глубокой древности (может быть, сразу же после распада языка-основы) заняли более южные территории. Причиной этому, повидимому, послужил уход индо-иранцев (арийцев) из Поволжья на юго-восток. (Первоначальную родину иранцев, носителей иранского языка-основы, ищут, например, в Средней Азии; см. об этом ниже.) Примерно за 2500 лет до н. э. от народа, говорившего на финно-угорском языке-основе, стали отделяться те или иные периферийные части. Раньше всех отделилась восточная ветвь, послужившая впоследствии базой для образования народов, говорящих на угорских языках (венгерском, хантыйском и мансийском). Затем выделилась пермская ветвь.

Носители общепермского языка-основы, являющегося общим предком удмуртского и коми языков, обособились от остальных финно-угров примерно в I тысячелетии до н. э. и жили длительное время, представляя известное единство, где-то в бассейне нижней Камы и ее притока Вятки, в непосредственной близости со скифо-сарматами, а с VI—VII вв. н. э. — с волжскими булгарами, о чем свидетельствуют заимствования, проникшие из этих языков еще в общепермский язык-основу (удм. *амезь*, к.-з. *амысь* «лемех»; к.-з. *вурун* «овечья шерсть»; удм. *корт*, к. *кóрт* «железо» и др. — из иранских языков; к.-з. *чарла*, удм. *сюрло* «серп»; удм. *культо*, к.-з. *кольта* «сноп»; удм. *куды*, к.-з. *куд* «лукошко» и др. — из волжско-булгарского языка). Для VIII—IX вв. н. э. археологи (например, А. П. Смирнов) находят уже культурные различия между отдельными районами

¹⁵ См. Петер Хайду, К этногенезу венгерского народа, «Acta Linguistica», t. II, f. 3—4, Budapest, 1953, стр. 271.

¹⁶ I. Sebestyén, указ. соч., стр. 345.

в бассейне Камы и Вятки; повидимому, к этому времени нужно приурочить образование коми и удмуртской народностей.

Наличие мощного общего языкового слоя (как лексического, так и грамматического) в современных диалектах (коми-зырянских, коми-пермяцких и коми-язьвинских) и общего самоназвания коми заставляет нас выдвинуть гипотезу о былом существовании коми (общекومی) народности, формировавшейся где-то на территории современной Кировской и Молотовской областей, повидимому, на базе союза племен. В XIV в. появляется древнепермская письменность, претендовавшая на обслуживание всей коми народности, заселявшей не только бассейн Вычегды и Мезени, но и бассейн Камы. В феодальную эпоху начинается консолидация коми диалектов Прикамья, с одной стороны, и диалектов Вычегодско-Мезенского бассейна — с другой, происходившая на базе экономической, политической и культурной концентрации их носителей. В результате образуются коми-пермяцкие и коми-зырянские группы диалектов.

После Великой Октябрьской социалистической революции, в связи с образованием коми-зырянской и коми-пермяцкой автономных административных единиц, формируются две социалистические нации: коми-зырянская и коми-пермяцкая, в связи с чем складываются на базе коми-зырянских диалектов, с одной стороны, и коми-пермяцких — с другой, два литературных языка.

Диалектные различия удмуртов, объединенных в Удмуртскую АССР, меньше, чем у коми. У удмуртов выработался единый литературный язык. Таков общий путь развития пермских языков.

3

Настоящая статья посвящена исторической лексике пермских языков, представлявших в древности известное единство, поэтому в ней приходится останавливаться больше всего на истории древнейшего периода этих языков, на освещении тех явлений, которые имели место в языке отдаленных предков удмуртов и коми, поскольку ядро основного словарного фонда пермских языков восходит к глубокой древности — к финно-угорскому языку-основе. От языка-основы унаследованы, например, следующие корневые слова, не представляющие собой заимствования:

Числительные: удм. *одӱг*, к.-з. *отик* «один»,¹⁷ мар. *иктӱ*, фин. *üksi*¹⁸; удм., к.-з. *кык*, мар. *кок* «два», фин. *kaksi*, венг. *két, kettő*; удм. *куим*, к.-з. *куим* «три», мар. *кум*, венг. *három*; удм. *нӱль*, к.-з. *нӱль* «четыре», морд. *н'ил'э*, венг. *négy*; удм. *сить*, к.-з. *сит* «пять», морд. *вете*, хант. *вэт*; удм. *куать*, к.-з. *квӱйт* «шесть», мар. *кут*, венг. *hat*; удм., к.-з. *кызь* «двадцать», морд. *комс*, венг. *húsz* и т. д.

Названия частей тела: удм. *йыр*, к.-з. *юр* «голова», фин. *järki*; удм., к.-з. *ки* «рука», мар. *кит*, фин. *käte*, венг. *kéz*; удм., к.-з. *син* «глаз, глаза», фин. *silmä*, венг. *szem*; удм., к.-з. *пель*, «ухо, уши», морд. *н'ил'э*, венг. *fül*; удм., к.-з. *пиль* «зуб», эрзя-морд. *п'эг'*, венг. *fog*; удм. *суӱ*, к.-з. *сой* «часть руки (без кисти)», мар. *шоки*, венг. *ujj*; удм., к.-з. *сӱн* «жила», морд. *сан*, венг. *ín*; удм. *сӱп*, к.-з. *сӱп* «желчь»,

¹⁷ Перевода сопоставляемых слов других финно-угорских языков, кроме пермских, мы не даем; эти слова по своему значению или тождественны, или близки к словам пермских языков.

¹⁸ Мы приводим параллели только из некоторых финно-угорских языков; при этом венгерские и финские слова передаем практическими алфавитами этих языков, удмуртские и коми-зырянские слова берем из литературных языков и передаем принятой в этих языках орфографией; слова остальных финно-угорских языков передаем транскрипцией на основе русского алфавита.

морд. *сән'э*, венг. *ере*; удм. *ым*, к.-з. *сом* «рот», мар. *ау*, хант. *оу*; удм., к.-з. *ан* «десна, челюсть», морд. *ау*; удм., к.-з. *гырк* «внутренность, утроба», мар. *көрүы*, венг. *hír*; удм., к.-з. *кыл*-«язык», морд. *к'эл'*, фин. *kiele-*, манс. *кээл*; удм. *лун*, к.-з. *лон* «селезенка», мар. *лэн*, венг. *lér*; удм. *вим*, к.-з. *вем* «мозг», мар. *вим*, манс. *вэлэм*, венг. *velő*; удм., к.-з. *лы* «кость», мар. *лу*, фин. *luu*, манс. *лу*; удм., к.-з. *ты* «легкие», морд. *т'эв'ил'ав*, фин. *tävy*; удм. *сюлэм*, к.-з. *сёллэм* «сердце», мар. *ш'йм*, фин. *sydäme-*, венг. *szív*; удм., к.-з. *вир* перевод, морд. *в'эр*, венг. *óér*; удм., к.-з. *мус* «печень», морд. *макса*, венг. *táj*; удм. *гырпум*, к.-з. *гырдза* «локоть», морд. *к'эн'эр*, венг. *könyök*; удм. *гыжы*, к.-з. *гыж* «ноготь, коготь», морд. *к'эн'э*, манс. *көнш*.

Термины родства: удм. *мень*: *ичи-мень* «молодуха», к.-з. *монь* «сноха», фин. *milä*, венг. *tenyü*; удм., к.-з. *ли* «сын», фин. *poika*, венг. *fi*; к.-з. *сыс* и л.-л. *соч'* «сестра», фин. *sisko*, хант. *с'аз'и*; удм. *чуж*, к.-з. *чож* «дядя, брат матери», мар. *ч'ыс'ы*, фин. *setä*, манс. *с'ас'*; удм. *вын*, к.-перм. *вон* «брат», мар. *вэ'й*, фин. *vävy*, венг. *óó*; к.-перм. *ань* «свекровь», эрзя-морд. *низ-ан'а*, венг. *anya*.

Природа: удм. *пилем*, к.-з. *удор*. *нив* «облако», морд. *п'эл'*, фин. *pilvi*, венг. *felhő*; удм. *тол*, к.-з., *төл*-«зима», морд. *т'ал'а*, венг. *tél*; к.-з. *сынöd* «воздух», фин. *sää*, венг. *ég*; удм. *кизили*, к.-з. *кодзые* «звезда», манс. *хос*, венг. *hügy*; удм., к.-з. *тулыс* «весна», фин. *tuoko*, венг. *tavaszi*; к.-з. *ди* «остров», фин. *tiewa*; удм. *гон*, к.-з. *гөн* «лука, маленькое озеро», мар. *кун*, венг. *küra*; удм. *йö*, к.-з. *йи* «лед», морд. *йэй*, *эу*, венг. *jég*; удм. *ю:ю-шур*, к.-з. *ю* «река», фин. *joke-*, венг. *jo*; удм. *ву*, к.-з. *ва* «вода», морд. *в'эд'*, венг. *víz*; удм., к.-з. *ты* «озеро», манс. *то*, венг. *tó*; удм. *лымы*, к.-з. *лым* «снег», мар. *лум*, фин. *lumi*, венг. *löm* (Budenz); удм. *шур* «река», к.-з. *шор* «ручей», хант. *лар*, венг. *ár*; удм., к.-з. *му* «земля», фин. *maa*, манс. *мэ*.

Названия из области животного мира: удм. *чöж*, к.-з. *удор*. *тшöж* «утка», морд. *шэнжэ*, манс. *шэш*; к.-язв. *н'умөл* «заяц», морд. *нумол*, венг. *nyúl*; к.-з. *джыдж* «ласточка», фин. *tiiti*, хант. *чшкэ*; удм., к.-з. *юсь* «лебедь», мар. *й'юкшы*, манс. *jöschwöi*; удм. *луз* «ййцо», к.-з. *поз* «гнездо», мар. *п'ыж'аш*, фин. *pesä*, венг. *fészek*; удм., к.-з. *тури* «журавль», манс. *тари*, венг. *daru*; удм. *пуны*, к.-з. *пон* «собака», морд. *п'ин'э*, венг. *fene*; удм., к.-з. *шыр* «мышь», морд. *шэйэр*, фин. *hiire-*, венг. *egér*; удм. *йичы*, к.-з. *руч* «лиса», морд. *р'ув'эс'*, венг. *ravaszi*; удм., к.-з. *низь* «куница», манс. *н'ухс*, венг. *nyuszt*; к.-з. *гыч* «карась», фин. *keso*, венг. *keszeg*; удм. *сөн-чориг*, к.-з. *сын* «язь», фин. *säyne*, венг. *őn*; удм. *вал*, к.-з. *өве* «лопадь», мар. *в'ёл'ы*, хант. *ватэ*; удм. *кый* «змея», морд. *кыйов*, венг. *kígyó*; удм. *лузь*, к.-з. *лöдз* «овод», фин. *lisinen*, венг. *légy*; к.-з. *байдöг* «куропатка», манс. *пöл'т*, венг. *fajd*; удм., к.-з. *сюр* «рог», морд. *с'уро*, венг. *szarv*; удм., к.-з. *сöм* «чешуя рыбы», мар. *с'ым*, фин. *suomi*, хант. *сам*; удм. *тэй*, к.-з. *той* «вошь», фин. *täi*, венг. *tetü*; удм. *сюлы*, к.-з. *сюв-чöж* «вид утки», морд. *с'улго*, манс. *сэл'*; к.-з. *көр* «олень» (первоначально «олень-самец»), хант. *кар*, венг. *here*; удм. *пöськы* «стриж», к.-з. *удор*. *пис'т'и* «ласточка», фин. *pääsky*, венг. *fecské*; удм. *кырныж*, к.-з. *кырныш* «ворон», мар. *кырн'ыш* (ненец. *харна*); к.-з. *удор*. *токты* «гагара», мар. *токта*, хант. *тахтэу*; удм. *сёр* «куница», мар. *с'ёрм'ы* (ненец. *с'армик*); удм., к.-з. *низь* «соболь», эст. *nigis*, манс. *н'охс*; удм. *пужей* «олень», к.-з. *ижем*. *пеш* «молодой олень», мар. *пучо*, манс. *п'аши*; к.-з. *сюэз* «филин», лапл. *чишкы*, венг. *sas*; к.-з. *чукчи* «глухарь», эрзя-морд. *сувоэ'эй* (ненец. *шэнша*); к.-з. *луз*. *өдзь* «вид утки», эст. *väiz*, манс. *в'ас*.

Названия растений: удм. *ныпу*, к.-з. *нывпу* «пихта», мар. *нолго*, хант. *нолги*; удм. *сысыпу*, к.-з. *суспу* «кедр», хант. *тэт* (ненец. *тэдэ*); удм., к.-з. *тэль* «вид леса», венг. *tölgy*; удм. *кыз*, к.-з. *коз* «ель», мар. *кож*, фин. *kuuse-*, манс. *кошт*; удм., к.-з. *лыс* «хвоя», хант. *лэпэс*; удм., к.-з. *льём* «черемуха», мар. *ломбы*, хант. *л'ом*; удм., к.-з. *пу* «дерево», мар. *пу*, фин. *пиш*, венг. *fa*; удм. *палэ'зь*, к.-з. *пелысь* «рябина», морд. *п'из'ол*, хант. *пэт'эр*; удм. *кур*, к.-з. *кор* «кора», мар. *кёр*, венг. *kéreg*; удм. *кумызь* «дикий чеснок», к.-язьв. *кумиž'* «зеленый лук», манс. *хос'ман*, венг. *haguta*; удм., к.-з. *пыпу* «осина», морд. *пой*, хант. *пой*; удм. *эмезь*, к.-з. *ёмидз* «малина», мар. *ёйёж*, хант. *-ан'т'*: *йухтэян'т'*; удм., к.-з. *пыш* «конопля», мар. *пачаш*, манс. *пэш*; удм. *кызпу*, к.-з. *кызпу* «береза», фин. *kaski*, хант. *хун'т'*.

Названия предметов материальной культуры: к.-з. удор. *бель* «косык», морд. *п'эл*, венг. *fél*; удм. *жэж* «стол», к.-з. *джек* «стул, чурбан», венг. *csök*; к.-з. *джедж* «пол», удм. *жыжол* «подполье», лапл. *чазэл*, хант. *чуч*; удм. *ёс*, к.-з. *ёдз-ёс* «дверь», фин. *ukse-*, венг. *áj*; удм. *ныд*, к.-з. диал. *нуд* «рукоятка», морд. *н'эд'*, фин. *nyte-*, венг. *nyél*; удм., к.-з. *нёл-* «стрела», морд. *нал*, фин. *niole-*, венг. *nyíl*; удм. *пуч*, к.-з. *потш* «жердь», мар. *пичь*, фин. *riha*, хант. *пушйух*; к.-з. *радз* «решетка (в дровнях)», фин. *raaski*, венг. *rács*; удм. *вэйыж*, к.-з. *вож* «оглобля», морд. *ажйа*, хант. *учйух*; удм. *кяала* «шалаш», к.-з. *кола* «рыбачий шалаш (избушка)», морд. *куд*, венг. *ház*; удм. *кал*, к.-з. *кёв* «веревка», мар. *кыл*, манс. *кали*; удм., к.-з. *гыр* «ступа», фин. *kuiri*, хант. *куры*; к.-з. *ёнь* «пояс», фин. *vyö*, венг. *öv*.

Прочие существительные: удм. *лул*, к.-з. *лов* «душа,дыхание», манс. *лили*, венг. *lélek*; удм., к.-з. *ним* «имя», фин. *nime-*, венг. *név*; удм. *пал*, к.-з. *пёв* «половина, сторона, один предмет из пары», морд. *п'эл'э*, венг. *fél*; удм. *пум*, к.-з. *пон* «конец», морд. *п'э*, фин. *pää*, венг. *fő*; к.-з. *розь* «дыра», мар. *раж*, венг. *réz*; удм. *сул*, к.-з. *сыв* «длина растянутых рук, сажень», мар. *шылё*, морд. *сэл*, венг. *öl*; удм., к.-з. *ул* «низ», морд. *ал*, фин. *ala*, венг. *al*; к.-з. *во* «год», фин. *vuote-*, венг. *val: tavai*; удм. *уй*, к.-з. *вой* «ночь», морд. *в'эй*, фин. *yö*, венг. *éj*; удм. *вёй*, к.-з. *вэй* «масло», морд. *вай*, венг. *vaj*; удм. *ур*, к.-з. *ор* «гнилой», венг. *var*; удм., к.-перм. *зын* «запах», венг. *szag*; удм. *уж*, к.-з. *удж* «работа», хант. *ош*, венг. *ügy*; к.-з. *рёч* «бугорок, выступ угла», венг. *rész*.

Глаголы: удм. *сурыны*, к.-з. *сурны* «шить», мар. *урүэм*, венг. *varr-*; удм. *вандыны*, к.-з. *вундыны* «резать», манс. *βāñk*, венг. *vág-*; удм. *усины*, к.-з. *усьны* «падать», манс. *ис-*, венг. *esik*; удм. *эстыны*, к.-з. *ёзтыны* «зажечь», хант. *эт-*, венг. *izzik*; удм. *гырыны*, к.-з. *гёрны* «пахать», мар. *кёралам*, хант. *хэрэм*; удм., к.-з. *юны* «пить», мар. *йу-*, венг. *iv*; удм. *мыныны*, к.-з. *муныны* «идти», фин. *tepe-*, венг. *tép-*; удм., к.-з. *мыськыны* «мыть», морд. *мис'кэ-*, венг. *mos-*; удм. *нолыны*, к.-з. *новны* «лизать», мар. *нул-*, венг. *nyal-*; удм. *кылыны*, к.-з. *кольны* «оставлять», морд. *кадо-*, венг. *hagy-*; удм. *тодыны*, к.-з. *тёдны* «знать», фин. *tip-te-*, венг. *tud-*; удм. *кыныны*, к.-з. *куньны* «закрывать глаза», морд. *кон'а-*, венг. *húny-*; удм. *кулыны*, к.-з. *кувны* «умереть», мар. *кол-*, хант. *хал-*; удм. *пулыны*, к.-з. *повны* «бояться», морд. *п'эл'-*, венг. *fél-*; удм. *сылыны*, к.-з. *сулавны* «стоять», мар. *шалү-*, венг. *áll-*; удм. *уялл-*, к.-з. *уял-* «плавать», фин. *ui-*, манс. *ий-*; удм. *улыны*, к.-з. *овны* «жить», фин. *elä-*, венг. *él-*; удм., к.-з. *кыл-* «слышать», мар. *кол-*, венг. *hall-*; удм. *кулэ*, к.-з. *колё* «надо», мар. *кэл-*, венг. *kell*; удм. *курыны*, к.-з. *корны* «просить», фин. *kerjää*, венг. *kér-* и т. д.; удм. *вылыны*, к.-з. *ёвны* «бить», мар. *ул-*, венг. *val-*; к.-з. *видзны* «хранить, беречь», мар. *онж-*,

венг. *vigyáz-*; удм. *сайыны*, к.-з. *вайны* «принести», морд. *в'ийэ-*, венг. *vív-*; удм. *ышыны*, к.-з. *вошны* «потеряться», хант. *вож*, венг. *vesz*; удм. *тöрыны*, к.-з. *тöрны* «вмещаться», венг. *lér-*; к.-з. *топöдны* «жечь, зажечь», венг. *tarad-*; удм. *лобаны*, к.-з. *лабаны* «летать», венг. *lebeg-*; к.-з. *келаны* «бродить (по воде)», мар. *кэл'-*, венг. *kel-*; к.-з. *кылааны* «плыть по течению», морд. *кол'гэ*, венг. *halad*; к.-з. *кеслыны* «точить», венг. *köszögül-*; к.-з. *пуны* «варить», морд. *п'ийэ-*, венг. *fő-*; удм. *пуныны* «вить, плести», морд. *пона-*, венг. *fon-*; к.-з. *луйны* «бросить, выстрелить», мар. *лүй-*, венг. *lő-*; удм. *чыжыны*, к.-з. *чужны* «родиться», мар. *шоч'-*, хант. *чачэ*; удм. *селаны*, к.-з. *сёланы* «плевать», морд. *с'эл'г'эмс*, манс. *сёл'к-*.

Прилагательные и наречия: удм., к.-з. *кузь* «длинный», мар. *кужо*, венг. *hosszú*; удм., к.-з. *ныж* «тупой», морд. *ножка*, хант. *наш*; удм., к.-з. *пöсь* «горячий, жаркий», мар. *пуж*, венг. *pezseg*; удм. *ыль*, к.-з. *уль* «сырой», мар. *илэ*, манс. *ил'*; удм., к.-з. *выль* «новый», морд. *од*, фин. *uute-*, венг. *új*; удм. *жоб*, к.-з. *жеб* «слабый», фин. *tuntrei*, венг. *sebes*; удм., к.-з. *кыз* «толстый», мар. *күжкү*, хант. *кот*; удм. *векчи*, к.-з. *векни* «узкий», венг. *vékony*; к.-з. *ёсь* «острый», мар. *йипи*, хант. *йэбэс*; удм. *жомыт*, к.-з. *рöмыд* «сумрачный», мар. *рöм*, хант. *римки*; удм. *жоғ*, к.-з. *реғид* «быстро, скоро», венг. *rögeest*; удм. *жыж*, к.-з. *рыж* «истлевший, гнилой», фин. *raato*, хант. *раш*; к.-з. *содэ* «чистый, прозрачный», манс. *с'эс'*, венг. *szüz*; к.-з. *вöсни* «тонкий», венг. *vézna*; удм. *кöш* «неприятный на вкус», мар. *кач'й*, венг. *keserü*.

Местоимения: удм. *мон*, к.-з. *ме* «я», морд. *мон*, хант. *ман*; удм. *тон*, к.-з. *тэ* «ты», морд. *тон*, венг. *te*; удм. *со*, к.-з. *си-*, *сы-* «он», морд. *сон*, венг. *ön*; удм., к.-перм. *кин* «кто», морд. *ки*, венг. *ki*; удм. *ма*, мар. *к.-з. мый* «что», мар. *ма*, *мо*, венг. *mi*; удм. *ку-*: *куд*, *кудиз* «который», к.-з. *ко-*: *код*, *коди* «кто», *кор* «когда», морд. *ко-*: *кос'а* «где», *ков* «куда», венг. *ho*: *hol* «где», *hova* «куда»; удм., к.-з. *та* «это», фин. *tätä*, манс. *та*, венг. *te-*; к.-з. *э-*: *этадэ* «вот так», *этан* «вот здесь», морд. *эста* «оттуда», венг. *ez* «этот».

Здесь мы привели свыше 150 корневых слов, унаследованных пермскими языками из финно-угорского языка-основы. Приведенный нами список является далеко не полным, его можно по крайней мере увеличить втрое. Почти половина из этих слов восходит к периоду уральского языка-основы, отделенного от нас промежутком 5000—6000 лет. Эти слова входят в состав основного словарного фонда, который «...живет очень долго, в продолжение веков и дает языку базу для образования новых слов»¹⁹.

Мы намерены в своей статье заострить внимание на заимствовании, касаясь остальных вопросов исторической лексики пермских языков лишь вскользь.

Словарный состав финно-угорских языков значительно обогащался заимствованиями из соседних языков. Заимствования начались еще в период финно-угорского языка-основы.

К югу и юго-востоку от угро-финнов в течение длительного времени²⁰

¹⁹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23.

²⁰ Уже около начала II тысячелетия до н. э. в Средней Азии, например, начинают говорить на древнеиранских, мало отличающихся друг от друга говорах. В XIII—XIV вв. н. э. в Хорезме, несмотря на оторочение, «иранская речь в виде хорезмийского языка» еще звучала. См. об этом более подробно в книге А. А. Фреймана «Хорезмийский язык» (М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951), а также в работе Б. В. Миллера «К вопросу о классификации иранских языков» (Тезисы докладов научн. сотрудников Ин-та языкознания на объед. сессии Ин-та этнографии, Ин-та истории материальной культуры, Ин-та истории и Ин-та языкознания АН СССР, М., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 20).

находились иранцы: в Средней Азии — хорезмийцы, а в южнорусских степях — скифы-сарматы (в V в. до н. э. о скифах говорит Геродот), аланы и осетины, являющиеся выходцами из Хорезма.

По фонетическим признакам иранских заимствований, проникших в довольно большом количестве в финно-угорские языки, можно заключить, что соприкосновение между иранцами и угро-финнами продолжалось весьма долгое время. Часть слов проникла из индоевропейского, индо-иранского и иранского языков-основ еще в финно-угорский язык-основу. Следующие слова, например, считают доарийскими индоевропейскими заимствованиями: удм. *муш*, к.-перм. *мош*: *малля-мош* «пчела», морд. *м'экиш*, венг. *mé'h* (ср. санскр. *makṣa*, авест. *maxši-*); удм. *му*, к.-з. *ма*, фин. *mete-*, морд. *м'эд'*, хант. *мот* «мед», венг. *méz* (и.-е. **medhu*, ср. санскр. *mādhu*); удм., к.-з. *вуг* «рукоятка, черенок, скоба», фин. *onke-*, венг. *ág* (ср. санскр. *āṅka*); удм. *парсь*, к.-з. *порсь* «свинья», фин. *porsas*, морд. *пуртмос* (ср. курд. *purs*, лат. *porcus*).

Действительно, по своему вокализму эти заимствования древнее, чем общиндоиранские («праарийские») слова; в индо-иранских языках индоевропейские *o* и *e* перешли в *a*, а вышеприведенные слова были заимствованы финно-угорским языком-основой еще до этого перехода.

К более позднему индо-иранским заимствованиям финно-угорского языка-основы нужно отнести следующие: удм. *сю*, к.-з. *сё* «сто», мар. *шүдд*, фин. *sata*, венг. *száz* (ср. санскр. *ṣata*, авест. *sada*); удм., к.-з. *сюр* «рог», мар. *шур*, фин. *sarve-*, венг. *szarv* (ср. др.-инд. *s'ṛngam*, авест. *srva*); удм. *ю* «хлеб», к.-з. *йи*: *йи-ки* «кость, усик (у ячменя и др.)» (ср. к.-з. луз и удор. *кы* «кость»), морд. *йуе*, фин. *jivä* (ср. санскр. *yáva-*); удм. *вера*, к.-з. *вёра* «вымя», мар. *водар*, морд. *одар*, фин. *utar* (ср. др.-инд. *ūdhar*).

Известная часть заимствований, которые по своему звуковому виду подходят к праиранскому языку, встречается только в восточнофинских языках (мордовском, марийском, пермских и угорских)²¹. Таковыми являются, например, следующие: удм., к.-з. *сюрс* «тысяча» (ср. др.-инд. *śa-hāśra*); удм. *зыр*, к.-з. *озыр* «богатый», мокша-морд. *азыр* «хозяин», хант. *одэр* (ср. санскр. *asura*, авест. *ahura*); к.-з. луз. *вөркас* «рысь» (из *вөркас*; мягкое *с'* появилось под влиянием народной этимологии: *вөр* «лес», *кас* «кошка», *вөркас* «лесная кошка»), мокша-морд. *вэр'гас* (ср. санскр. *vr'kas*, авест. *vehrka*).

Много иранских слов проникло в восточнофинские языки после того, как западные финны, двигаясь на запад, оторвались от восточных соседей, что произошло около начала нашей эры; литовские заимствования частично вошли в языки предков марийцев и мордвы, а германские заимствования, проникшие в прибалтийско-финский язык-основу около начала н. э. (позже литовских заимствований), уже не проникли в поволжско-финские языки.

Большинство иранских заимствований попало в восточнофинские языки, повидимому, уже в более позднее время, чем в период финно-угорского языка-основы, и источниками их являются отдельные иранские языки. Таковы, например, следующие слова, бытующие в пермских языках:

к.-з. *сурун* «шерсть»; ср. авест. *ōrṇā* «шерсть животных», санскр. *ūrṇā* «шерсть»;

удм., к.-з. *зарни* «золото», морд. *сур'н'э*, венг. *arany*; ср. авест. *zaranya-*, санскр. *hiranya-*;

удм., к.-з. *пурт* «нож»; ср. осет. *farat*, *fārāt*;

удм. *мурт*, к.-з. *морт* «человек», морд. *м'ур'д'е* «муж»; ср. авест. *mereta*, н.-перс. *mard* «муж»;

²¹ Н. J a c o b s o h n, Arier und Ugrofinnen, Göttingen, 1922, стр. 223.

- удм. *эжсей*, к.-з. фолькл. *ёксы* «князь»; ср. авест. *χšaya* «властитель»; к.-з. (в древних памятниках) *н'эбёг* «книга»; ср. пехл. *nipek* «Schrift»; удм. *амезь*, к.-з. *амьсь* «лемех, сошник»; ср. н.-перс. *āmāj*; к.-з. *бурьсь* «грива (лошади)»; ср. авест. *barēša* «спина лошади», осет. *barze* «затылок», пехл. *biš* «грива»; удм., к.-з. *дас* «десять»; ср. авест. *dasa*, осет. *das*; удм. *дуры*, к.-з. *дар* «уполовник»; ср. санскр. *dārvi-* «ложка», парачск. (*parachi*)²² *duri* «большая ложка»; удм. *пэд*, к.-з. *под-* (*подон*) «нога»; ср. санскр. *pād-*, авест. *pād-* «нога»; удм. *турын*, к.-з. *турун* «травя»; ср. санскр. *tṛṇa-*; удм. *карыны*, к.-з. *керны* «делать»; ср. санскр. *kār-*, авест. *kar-* то же; удм. *корт*, к.-з. *корт* «железо», мар. *кырди'и*, морд. *кши'и*; ср. авест. *karēta*, пехл. *kārt*; удм. *курег*, к.-з. *курёг* «курица»; ср. пехл. *kark*, курд. *kurk* то же; к.-з. *зон* «парень»; к.-перм. *зон* «сын»; ср. авест. *zan-* «родить», осет. *zan-äg* «мальчик»; удм., к.-з. *нянь* «хлеб»; ср. пехл., н.-перс. *nān*; к.-з. *нямёд* «портянки»; ср. пехл. *namat*, н.-перс. *nāmād* «войлок, грубый ковер»; удм. *маег*, к.-з. *майёг* «кол»; ср. др.-инд. *mayūkha* «колышек», осет. *mēx* «кол»; удм. *эгыр*, к.-з. *ёгыр* «уголь»; ср. др.-инд. *aṅgāra* «уголь»; удм., к.-з. *сур* «пиво»; ср. др.-инд. *sūrā-*, авест. *hurā*; к.-з. *ырёш* «квас»; ср. осет. *wāras*, *iwāras*; удм. *тусьтй*, к.-з. *тасьтй* «миска»; ср. позднеавест. *tašta*; удм. *пудо*, к.-перм. *поба* «скот»; ср. тадж. *poba* «стадо»; к.-з. *меж* «баран»; ср. афган. *maž* «баран», *mež* «овца»; к.-з. *лысьтыны* «доить»; ср. афган. *lwašəl*, мундж. *luž*; удм. *андан*, к.-з. *емдон* «сталь, уклад»; ср. слово *ondan-andan* «сталь», фигурирующее в «Путешествии» Марко Поло (XIII в.) по Ближнему Востоку; удм. *мэс* «самка (про теленка или ягненка)», к.-з. *мёс* «корова»; ср. мундж. *məškāy* «теленка»; к.-з. луз. *варнёс* «овечка»; ср. др.-инд. *urṇa* «баран, ягненок», афган. *varan* «длинношерстый»; др.-перм. *идёг* «ангел»; ср. осет. *idawæg* «божество, святой»; др.-перм., удм. *ури* (Видеман) «мир, согласие»; ср. авест. *urvada* «друг» и т. д.

Приведенный перечень слов говорит о том, что финно-угры от своих ложных соседей скотоводов получили ряд слов скотоводческого быта (*овца, корова, доить, баран, скот, курица, грива, шерсть, рог, вымя, свинья*); иранские народы, стоявшие ближе к культурным очагам Востока (Хорезм, Персия, Греция и т. д.), передали угро-финнам названия металлов (*железо, золото, сталь*), металлических изделий (*лемех, нож, крючок, скоба*), числительные (*десять, сто, тысяча*), названия посуды, может быть, металлической (*миска, уполовник*), предметов питания (*мед, зерно, хлеб, пиво, рожь, квас*), слова для отвлеченных понятий (*мир, ангел*) и т. д.

4

Восточные финны находились в непосредственном соприкосновении с иранскими народами вплоть до того момента, пока разные кочевые племена (преимущественно тюркские), двигавшиеся с Востока во время ве-

²² На языке «парачи» говорит маленький народ, живущий около границы Афганистана с Индией.

ликого переселения народов, не вылились между иранцами и угро-финнами. Одним из таких народов были болгары, в частности волжские болгары, жизнь которых во второй половине I тысячелетия н. э. была тесно связана с жизнью предков коми и удмуртов²³. Появление болгар в VI в. в Среднем Поволжье дало толчок движению на север восточным финнам: марийцам и коми-удмуртам. Известная часть последних, конечно, оставалась на прежних местах жительства, т. е. в Среднем Поволжье, разделяя судьбу болгар, сначала находясь в зависимости от хазар, а затем входя в состав самостоятельного болгарского государства.

Занимая обширную территорию, болгарское государство, возникшее, в основном, на территории восточных финнов, по языку населения не могло быть единым. Кроме того, находясь на великом торговом пути между Востоком, Севером и Прибалтийским западом, оно все время имело в пределах своих владений представителей норманов, русских, мери, мордвы, марийцев, коми, удмуртов и т. д. Весьма вероятно, что в Булгарии преобладал тот язык, потомком которого является современный чувашский язык. Во всяком случае в современных восточнофинских языках (удмуртском, коми, марийском и мордовском) и венгерском языке имеется много таких тюркских слов, которые ближе стоят к современному чувашскому, чем к какому-нибудь другому тюркскому языку. Вполне понятно, что болгары, занимая промежуточное положение между финскими народами Поволжья и культурным Востоком, должны были влиять на соседей. Это влияние началось еще задолго до образования болгарского государства: венгры жили еще где-то на Северном Кавказе, поблизости от болгар (территорию современной Венгрии они заняли лишь в конце IX в.).

Неподалеку от болгар жили предки и нынешних удмуртов и коми, языки которых начали обособленную жизнь после встречи этих народов с булгарами. Влияние древнебулгарского языка на финские началось, по видимому, со времени появления болгар на Волге (VI в.) и продолжалось вплоть до разгрома болгарского государства татарами (XIII в.), после чего Булгария как самостоятельное государство и как культурный центр перестала существовать. Само название болгарского народа было перенесено удмуртами на новых властителей Поволжья — татар (удм. *бигер* «татарин»). Нашествие татар дало толчок пермским народам к дальнейшему движению на север.

Тюрко-булгарский язык оказал сильное влияние на соседние финно-угорские языки. Из булгарского языка еще в общепермский язык-основу попал ряд слов, как-то:

удм. *турто*, к.-перм. *торта* «приспособление для сгребания обмолоченного зерна», ср. чув. *torDa*;

удм. *улмо* «яблоко»; ср. чув. *olma, ulma*;

удм. *силь*, к.-з. в.-вым. *с'ылы* (из * *с'ыл*) «буря»; ср. чув. *s'il'* «ветер»;

удм., к.-з. *кись* «бердо»; ср. чув. *хэс'* то же;

удм. *культо*, к.-з. *кольта* «сноп»; ср. чув. *kül'De* то же;

удм. *тысь*, к.-з. *тусь* «зерно»; ср. чув. *tüš* то же;

удм. *палэсь*, к.-з. *пелысь* «рябина»; ср. чув. *pi'l'eš*;

удм. *пырич*, к.-з. *пыридэ* «лом, пешня»; ср. чув. *pürüš*;

удм., к.-з. *шабала* «отвал у сохи»; ср. чув. *šabala*;

удм. *сарчи*, к.-з. *сёркни* «репа»; ср. чув. *s'ar'ik*;

удм. *кеч* «заяц, коза»; к.-з. *коч* «заяц»; ср. чув. *ka,D'Z'a*;

удм., к.-перм. *сугонь* «лук»; ср. чув. *sugán*;

²³ См. А. П. Смирнов, Очерки по истории древних болгар, «Труды Государственного Исторического музея», вып. XI, М., 1940, стр. 55—129.

удм. *сюрло*, к.-з. *чарла* «серп»; ср. чув. *s'urla*, *s'orla*;
 удм., к.-з. *кушман* «редька»; ср. чув. *kušman*;
 удм., к.-з. *сукман* «домотканное сукно»; ср. чув. *suxman*;
 удм. *губи*, к.-з. *гоб* «гриб»; ср. чув. *катва*;
 удм. *куды*, к.-з. *куд* «лукошко, короб»; ср. чув. *konda*, *kunDî*;
 удм. *кун* «государство»; др.-перм. *кан* «царь»; ср. чув. *хун*, *хон*;
 удм. *удыс*, к.-з. *адас* «участок земли»; ср. чув. *oDîm*, *udas*, *odas*;
 удм. *серы*, к.-з. *сюри* «шпилька»; ср. чув. *s'ərə*, *s'ürü*.

Звуковой вид болгаризмов явно указывает на то, что они заимствованы из такого тюркского языка, который ближе всего стоял к современному чувашскому языку, а именно:

а) в основе слова находится *о* или *у* вместо *а* (*ä*) других тюркских языков, например: к.-перм. *с'ор-мам* «мачеха», *торта* «приспособление для сгребания обмолоченного зерна», удм. *ульмо* «яблоко» и т. д., чув. *torDa*, казан.-татар., башк. *йарты*;

б) чувашское начальное *с'* соответствует начальному *й* других тюркских языков, например: к.-перм. *с'ор-мам* «мачеха» (ср. чув. *s'or*, казан.-татар. и башк. *йарым*);

в) чувашское *а* основы слова соответствует *и* воляжско-татарских языков и *ä* восточных тюркских диалектов, например: к. *карта* (ср. казан.-татар. *киртä*);

г) первоначальное *л* между гласными в чувашском языке выпало, например: к. *кись* «бедро» (ср. чув. *хэс'*, башк. *кулус*, татар. *кулуч*).

После распада общепермского языка-основы (около IX—X вв.) приток слов из болгарского языка в язык коми, повидимому, прекратился, а удмурты продолжали оставаться в сфере влияния камско-вожжских болгар и в этот период обособленной от предков коми жизни заимствовали из языка болгар десятки слов, например: *уксё* «деньги» (чув. *uks'a*); *сяська* «цветок» (чув. *s'es'ke*); *бусы* «поле» (чув. *ruzî*); *бускель* «сосед» (чув. *poskil'*); *ака* (*ака-яшка*) «плуг» (чув. *aGa*); *сюлык* «женский головной убор» (чув. *s'ilik*); *кен* «сноха» (чув. *kin*) и т. д.

Древнеболгарские слова в большом количестве встречаются и в марийском, и в мордовском языках. В удмуртском, марийском и мордовском языках имеются также татарские заимствования, между тем непосредственно из татарского языка в коми язык слова не попадали.

5

Угорская ветвь (венгры, ханты, манси) отделилась от остальных угрофиннов очень рано и жила продолжительное время обособленно: в это время выработался целый ряд специфических угорских языковых черт. Позднее, в общепермскую эпоху, предки обских угров (ханты и манси) очутились в близком соседстве с предками коми и удмуртов и при посредстве последних восприняли ряд слов иранского происхождения (манс. *сор* «пиво», *мис* «корова», хант. *корек* «курица»).

Еще позднее, уже в период обособленного развития языка коми, народ коми имел тесное соприкосновение с ханты и манси, видимо, где-то в северном Приуралье (на Печоре и в восточных районах бассейна Вычегды и Камы). Об этом свидетельствуют многочисленные заимствования в хантыйском и мансийском языках из древнекоми языка или, может быть, из общекоми языка-основы (хант. *шайт* «деньги», *туш* «борода», *нуш* «сукно», *пуш* «решето», *курас'* «веник», *пăсан* «стол» и т. д.— до 100 слов) и некоторые заимствования в языке коми из обско-угорских языков (*чумпель* «берестяная черпалка», *сюмбд* «береста», *войт* «плуг, выгон»).

С ненцами коми встретились значительно позже, причем соприкасались с ними только носители северных диалектов: ненецкие заимствования мы находим по преимуществу в северных диалектах языка коми (удар. *кунтэй* «сарафан»; удар. и ижем. *липки* «чулок из оленьей шкуры», *няртала* «аркан для оленя» и др.; ср. также некоторые слова, широко распространенные в диалектах языка коми: *ком* «хариус», *лямпа* «лыжи», *парка*, *малича* «виды шубы из оленьей шкуры», *пими* «обувь из оленьей шкуры» и т. д.).

Несколько более значительное влияние оказали на язык коми северо-западные и западные соседи коми — летописная заволоцкая чудь. С населением заволоцкой чуди, если и не являющимся карело-вепскими переселенцами, но, во всяком случае, стоящим по языку близко к ним, в особенности к вепсам, коми встретились на территории вычегодско-лузского и вашко-мезенского бассейна. Необходимо специально остановиться на истории этой заволоцкой чуди и непосредственно связанной с ней летописной веси (вепсов).

Арабские писатели X в. упоминают народ *вису*, под которым в настоящее время обычно понимают прибалтийско-финскую народность вепсов, живущих в Ленинградской области, численностью около 30 тыс. Например, у Синнеи мы читаем о нем: «живут к юго-западу от Онежского озера и к западу от Белоозера по верхнему течению р. Оять, остаток сильного народа, который в летописи Нестора называется *весь*, в арабских источниках *вису*, у Иордана *васина*»²⁴. По данным русских летописей, *весь* занимает территорию где-то в районе проживания теперешних вепсов. В Начальной летописи (составленной около 1095 г.) в перечне племен *весь* помещается рядом с такими, как *чудь* (Эстляндия), *меря*, *мурома*: «В Афетовой части сидят Русь, Чудь, Вель, Меря, Мурома»²⁵. «А вот другие народы, которые дань дают Руси: Чудь, Меря, Вель, Мурома...»²⁶. Летопись по Лаврентьевскому списку 1377 г. дает более точную дислокацию этих племен: «На Беле озере седят Вель, а на Ростовском озере Меря, а на Клещине озере Меря же, по Оде реце, где потече в Волгу, Мурома». У Иордана (VI в.) в перечне народов, поработанных Германарихом, мы имеем: *Thiudos*, *Uasina*, *Broneas*, *Merens* и т. д. Таким образом, со времени Иордана до автора русской летописи в местонахождении этих племен больших изменений не произошло, т. е. народ *весь* как будто находился где-то в районе Белоозера, неподалеку от эстляндской *чуди* и *мери*.

Из данных Ибн-Фадлана (арабского писателя, посетившего волжскую Булгарию в 922 г.) следует, что страна Вису находится где-то на севере, где ночь (летом) продолжается только один час, где много соболей и черных лисиц; простирается она до моря, за которым живут «гоги и магоги»; от Булгарии до этой страны 3 месяца пути, а от страны Вису до «гогов и магогов» тоже 3 месяца пути; болгарские купцы поддерживают связь с страной Вису по Волге. Очевидно, здесь речь идет о Крайнем Севере, а не о районе Белоозера, который находится всего на 2—3° севернее Волжской Булгарии и не имеет заметной разницы с ней в долготе дня и ночи. Затем, вряд ли там водились соболи и черные лисицы в изобилии даже в IX—X вв. Если даже в районе Белоозера и встречалась эта ценная пушнина, то во всяком случае не в таком количестве, в каком она имелась на более близком Булгарам севере: на верховьях Камы, на Печоре, Вычегде и Северной Двине.

²⁴ J. S z i n n y e i, Magyar nyelvhasznlatás, Budapest, 1920, стр. 9.

²⁵ Древнерусские летописи, М.—Л., Academia, 1936, стр. 5.

²⁶ Там же, стр. 10.

В словаре Якута под словом *Итиль* (Волга. — В. Л.) читаем: «...нет сомнения в огромности и длине реки Итиль, так что, действительно, она исходит из отдаленнейшего юга²⁷ и течет мимо Булгара и русов и хазар и впадает в озеро Джурджана (Каспийское море. — В. Л.). По ней ездят купцы в Вису и вывозят много пушнины, как-то: бобра, соболя и горно-стая»²⁸.

Таким образом, нам представляется, что народ *вису* жил где-то к северу от Волжской Булгарии, может быть по Вычегде и Северной Двине вплоть до Белого моря, за которым жили «гоги и магоги», под которыми подразумевались или лапландцы, или норвежцы. Между прочим, у Якута, пользовавшегося и такими текстами Ибн-Фадлана, которые не дошли до нас, в конце названия *вису* имеется «р»²⁹ — *висур*. Это название народа — *висур*, повидимому, имеет отношение к названию рек *Вишера*, *Вишерка* (северные притоки Камы), а также *Вишера* (по коми *Вис'эр*, правый приток Вычегды). Ср. также географическую номенклатуру Ленинградской области (*Малая Вишера* и др.). В IX—X вв., повидимому, весь север Европейской России был заселен прибалтийско-финскими племенами, близкими современным венсам. В настоящее время уже нет никакого сомнения в том, что заволоцкая чудь (жившая, в основном, в Архангельской и Вологодской областях) представляла собой венские и частично также карельские племена: коми-зыряне и до сих пор называют г. Архангельск *Кар-дор*, т. е. «Карельск, Карельское» (ср. зырянское название Сольвычегодска и Соликамска — *Сов-дор*, т. е. «Сольск») ³⁰.

Весьма возможно, что к югу от карел в это время находилось близкое к карелам племя *весь-висур-васина*, которое зашло далеко на восток, вплоть до бассейна Вычегды, привлекаемое дешевой пушниной. Волжские булгары, встретившись с этим народом, повидимому, на Вычегде, стали называть по его имени все близкие друг к другу прибалтийско-финские племена Севера, а от булгар это название перешло к арабским писателям.

Проф. Д. В. Бубрих так мыслит появление заволоцкой чуды: «С некоторых пор население прибалтийско-финского происхождения стало скопляться еще в одном месте, у юго-восточного побережья Ладожского озера, в углу между Волховом и Свирью... В IX в. данное население оказалось довольно значительным и усвоило организацию отдельного племени. Это племя называлось *Versä*, откуда русское *Весь*»³¹. Это племя *весь* постепенно стало расселяться в северо-восточном направлении и заняло известные территории Северо-Двинского бассейна.

«Владея западным и юго-западным входами в Заволочье³², *Весь*, конечно, ездила туда с промысловыми и торговыми целями. Правда, там она встречала, повидимому, некоторую конкуренцию со стороны *Мери*, про-

²⁷ «Как известно, в то время верховьями Волги считали Каму, и вместе с тем, как видно из дальнейшего, Якут считал, что истоки ее где-то к югу от Урала». — См. прим. 703 акад. Крачковского в «Путешествии Ибн-Фадлана на Волгу» (под ред. И. Ю. Крачковского, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1939, стр. 126).

²⁸ Там же, стр. 125.

²⁹ См. там же, прим. 661 (стр. 122) и 703 (стр. 125—126).

³⁰ Перевод Вихманом зырянского *Кар-дор* — «Карельский берег» нужно считать неточным (см. У. Wichmann, Syrjäähit ja Karjalaiset, журн. «Valvoja», Helsinki, 1920, № 9—10).

³¹ Д. В. Бубрих, Происхождение карельского народа, Петрозаводск, Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1947, стр. 16.

³² Заволочьем называли территории, находящиеся за волоком к востоку от собственно Новгородской земли (пятин. — В. Л.).

никавшей через южный вход в Заволочье, по р. Югу; на это есть указания в топонимических материалах А. И. Попова. Но Меря там отнюдь не преобладала. Вполне понятным делается, почему среди населения Заволочья летопись указывает Чудь — Заволоцкую Чудь. Археологические материалы доказывают существование в Заволочье островков прибалтийско-финского населения, именно Веси. Это относится особенно к западному притоку Сев. Двины Ваге и восточному ее притоку Пинеге, где, кстати, вепское название селения *Kekkilä* приводится в уставной грамоте Святослава в виде *Кегрела* и сохраняется по сей день в виде *Кевроль*³³.

Д. В. Бубрих совершенно справедливо утверждает, что заволоцкая чудь по своему происхождению, в основном, была не карелами, а вепсами: «Долго господствовавшая в науке мысль, что Корела еще в IX в. стала твердой ногой у Белого моря и что население *Vjargmland'a* было Корелой, является абсолютно беспочвенной. Беломорье впервые увидело Корелу, по всем данным, не раньше XIII в. Конечно, отдельные проникновения людей из Корелы по пути, шедшему к р. Кеми и к Белому морю, могли иметь место очень рано, но такие отдельные проникновения никак не имели значения освоения территории»³⁴. О том, что Северная Двина была уже заселена в IX в., говорят данные скандинавских источников³⁵.

Таким образом, в IX в. н. э. в низовьях Северной Двины (наверное, и на других территориях бассейна этой реки) уже жили те племена, которые летописец называет заволоцкой чудью, а Д. В. Бубрих считает вепсами. С этими вепсами коми-зыряне при заселении бассейна Вычегды, Лузы, Мезени и т. д. несомненно должны были встретиться.

Не исключена возможность, что с предками вепсов коми встретились, живя еще где-то поблизости от удмуртов. Но нужно полагать, что более интенсивные встречи происходили где-то севернее, на территории бассейна Северной Двины и Мезени. Здесь, повидимому, происходило заимствование коми-языком вепско-карельских слов. Этим и объясняется то, что вепско-карельские заимствования встречаются только в коми-зырянских диалектах, притом главным образом в северо-западных (удорском, нижневьчегодском) и западных (лузско-летском). Вопрос о вепских заимствованиях плохо изучен. Но все же можно более или менее уверенно сказать, что следующие коми-зырянские слова являются вепско-карельскими заимствованиями:

агас н.-выч., ижем., удор., л.-л. «борона»; ср. вепс. *ägäz*, фин. *aes* (*akeen*) или *ä'äs* (*äkään*);

буркэй удор. «бубенчик»; ср. вепс. *буру*, *буруйн'э* то же;

вирб удор. «дратва»; ср. вепс. *вирб* то же;

кал'ла вым., *кал'л'а* *ырöи* печ. «третье сусло, квас»; ср. калининско-кар. *кал'л'а* «третье сусло», фин. *kalja* «квас»;

кас' л.-л., кобр. «кошка»; ср. северно-кар. *кас'и*, *каси*, *каз'и*, южно-кар. (людиковск. и ливиковск.) *кас'* то же;

³³ Д. В. Бубрих, указ. соч., стр. 27—28. (Д. В. Бубрих считает, что вепсы называли Заволочье *перя маа* «задняя земля, земля за волоком». В устах русских это слово звучало *пермь*. На территории *Перя маа*, кроме вепсо-карелов, жили также русские и коми. Впоследствии, после обрусения заволоцкой чуди, компактным иноязычным населением осталось коми население, вследствие чего название *пермь* перенеслось на последних. Скандинавы же передали это слово в виде *беорма*; отсюда — *Виармия*.)

³⁴ Там же, стр. 32.

³⁵ См. там же, стр. 28—29.

карандыс удор. «ушат»; ср. вепс. *кэрэндээ* то же;
коз'ал' ижем., удор. «прялка»; ср. вепс. *кожал'*, кар. *кушал'и*,
куожэл'и то же;

л'од вым., ижем., луз. «блюдо»; ср. вепс. *бл'од* то же;

л'ус'ка удор. «ложка»; ср. вепс. *луз'ик'*, калининско-кар. *луз'икка*,
 фин. *lusikka* то же;

пач' во всех к.-з. диалектах «печь»; ср. вепс. *пäch'*, южно-кар. (ливиковск.) *пäch'ч'и* то же;

пирд удор. «бердо»; ср. вепс. *б'ирд*, кар. *пирда* то же;

раб удор., выч., сыс., луз., к.-перм. «барда» (отбросы после варки су-
 сла); ср. калининско-кар. *раба*, ливиковск. *раба* то же;

сабри н.-выч., удор. «стог сена»; ср. вепс. *сабр*, людииковск. *суабре* то же;

сарйа удор. «плетенка шерстобита»; ср. ливиковск. *сарйа* «плетенка в
 дровнях», *сарйаинэ* «маленькая плетенка для закрывания бочки, кор-
 зинки»;

ч'ап удор. «цеп, молотило», сыкт. «дубец молотила, цепа»; ср.
 вепс. *ч'ап'*, кар. *ч'иаппи* «цеп»;

шалка луз. «берестяная котомка»; ср. вепс. *шоуг* (осн. *шоугу-*), кар.
шалкку «заплечный мешок» и т. д.

Очень рано встретились удмурты и коми и с русскими (коми — не
 позже XI в.). Некоторые русские заимствования в коми языках указы-
 вают на весьма древние фонетические особенности севернорусских гово-
 ров: мягкие *ж* и *ш* (*чашия*, *лыжя* > к. *чась*, *лызь*); сохранение *а* между мяг-
 кими согласными (*ч'эл'ад'*, *л'ад'вей*); наличие двух *о*, по-разному переданных
 в коми языке: открытого (русс. *золото*, к. *зёлота*) и закрытого (русс.
поп, к. *поп*; русск. *порог*, к. *порог*). Некоторые русские заимствования
 на удмуртской почве пережили звуковые изменения, например, переход
 безударного *о* в *у*: *окно* > *укно*, *коса* > *кусо* и т. д.

Дореволюционные русские заимствования в пермских языках часто
 настолько освоены этими языками, что не всегда можно без сравнительно-
 исторического анализа установить их связь с русским оригиналом. Тем
 более, что оригиналом этих заимствований являются севернорусские или
 древнерусские слова, не употребляемые в современном русском литера-
 турном языке.

Приведем несколько таких примеров из коми-зырянского литератур-
 ного языка:

гач «штаны, брюки»; ср. севернорусск. *гачи*;

гырнич «глиняный горшок»; ср. др.-русс. *гърниць*;

лабич «лавка вдоль стены»; ср. севернорусск. *лавица*;

лясни «ясли (в хлеву)»; ср. севернорусск. *лесни* «ясли»;

чача «игрушка»; ср. севернорусск. *чеча*;

грезд «деревня»; ср. севернорусск. *грозд*, *грезд* «кучка, кисть плодов»

и т. д.;

став «весь, все, всё»; ср. др.-русс. *ставъ* «состав, сонм (множество)»;

скёр «сердитый»; ср. русск. *скор* «быстрый, скорый» и т. д.

Русский язык оказал особенно сильное влияние на лексику
 пермских языков, в результате чего эти языки за период тысячелетнего
 соседства с русским обогатились сотнями слов. Особенно много заим-
 ствований появилось после революции (*комсомол*, *пионер*, *партия*, *сель-
 совет*, *колхоз*, *ударник*, *самолет*, *трудолюб*, *трактор*, *комбайн*, *Советский
 Союз*, *центр*, *район*, *пятилетка*, *Верховный Совет*, *строй*, *сельсовет*, *де-
 путат*, *форма*, *председатель*, *исполком*, *вождь*, *героической*, *километр*,
метр, *килограмм*, *кадр* и т. д.). Заимствования из русского языка значи-
 тельно обогатили пермские языки, дав возможность обозначить самые
 разные отвлеченные и научно-политические понятия.

6

Рассматривая лексику пермских языков с точки зрения ее происхождения, мы особое внимание обратили на исконный финно-угорский словарный фонд и словарные заимствования, происходившие в разные периоды развития этих языков. Мы выявили в словаре пермских языков ряд слоев хронологического порядка. Наиболее мощным слоем в пермских языках являются словарные заимствования из языка великого русского народа.

Однако не следует думать, что развитие словарного запаса, обогащение его новыми словами происходит только путем заимствования из соседних языков. Прежде всего, поступательное движение как языка в целом, так и его словарного состава происходит по внутренним законам развития, «... путем разворачивания и совершенствования основных элементов существующего языка»³⁶. Ведущими способами образования новых слов из элементов существующего языка служили и служат суффиксация и сложение слов. Факты современных пермских языков свидетельствуют о том, что эти способы образования в прошлом, начиная с глубокой древности, находили широкое применение. Примеры: удм., к.-з. *кызь*, морд. *комэс'*, *комс'*, хант. *кос*, манс. *кус*, венг. *hűsz* «двадцать»; это слово первоначально состояло из двух корней со значением «два» и «десять» и обозначало «два десятка»; первая часть восходит к слову **к8кт*³⁷ «два», а вторая — к **т8с* «десять» (последнее сохранилось в полном виде не только в морд. *комэс'* «двадцать», но и в следующих словах: к.-з. *к8къямыс*, удм. *тямыс* (в удмуртских памятниках XVIII в. *кыкъямыс* «восемь», т. е. «без двух десятъ»), к.-з. *8жмыс*, удм. *укмыс* «девять», т. е. «без одного десятъ»).

к.-з. *эз-ысь*, удм. *аз-весь*, венг. *ezüst* «серебро» в древности обозначало, повидимому, «белая бронза, белый металл и т. п.»; ср. удм. *аз-* «белый» в слове *аз-из* «белый камень» (*из* «камень»); второй части пермских слов — к.-з. *-ысь*, удм. *-весь* соответствуют венг. *vas* «железо», фин. *vaski* «медь», эст. *vas'ке* «медь, латунь», лив. *vas'k* «руда, медь», мокша-морд. *ус'ка* «проводака»; слово *ысь-весь*, фигурирующее также в к.-з. *оз-ысь*, удм. *уз-весь* «олово, свинец», обозначало какой-то металл; первая часть этих слов указывала на качество металла. Образование приведенных сложных слов относится, безусловно, к глубокой древности — к эпохе более ранней, чем эпоха пермского языка-основы.

В качестве примеров образования сложного слова в период пермского языка-основы могут служить удм. *корка*, к.-з. *керка*, к.-перм. *керку* «изба», состоящие из двух частей: *кор-*(*кер*) «бревно» и *ка* (*ку*) «шалаш, жилище»; вторая часть слова, появляющаяся также в к.-з. *вичко*, к.-перм. *вичку* «церковь» (первоначально «жертвенный шалаш»), сохранилась и в виде отдельного слова: удм. *куа*, *куала* «шалаш», к.-з. *кола* «шалаш рыбака, охотника», морд. *куд*, венг. *ház* «изба, дом».

Сложение слов находит широкое применение и в период раздельной жизни пермских народов, например: удм. *ымныр* «лицо» (*ым* «рот», *ныр* «нос»); к.-з. *нырвом* «лицо» (*ныр* «нос», *вом* «рот»); удм. *кышномурт* «женщина» (*кышино* «жена», *мурт* «человек»); к.-з. *нывбаба* «женщина» (*ныв* «девушка», *баба* «жена»); к.-з. *эмбур* «имущество» (*эм* «есть, имеется», *бур* «добро») и т. п.

Пермские языки весьма богаты словообразовательными суффиксами. Часть суффиксов потеряла свою продуктивность, сохранившись лишь в не-

³⁶ И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 27.

³⁷ Знаком 8 обозначается неизвестный гласный звук, гласный звук вообще.

многих словах в застывшем виде. Рост лексического запаса слов происходил в финно-угорских языках, начиная с древнейших времен, путем суффиксального словообразования. Многие словообразовательные суффиксы пермских языков восходят к финно-угорскому языку-основе, например:

1) суффикс *-м*: удм. *улэм*, к.-з. *олём* «жизнь» (удм. *ул-*, к.-з. *ол-* «жить»); морд. *удомо* «сон» (*удо-* «спать»); венг. *álot* «сон» (*al-* «спать») и т. д.;

2) суффикс *-с* (из-*кс*): удм. *котырес*, к.-з. *гöгрöс* «круглый»; фин. *vereke-* «кровенной» (*vere-* «кровь»); венг. *erös* «сильный» (*erö* «сила») и т. д.;

3) уменьшительный суффикс *-нь*: к.-з. *векни* «узкий» (ср. удм. *векчи* с другим суффиксом); морд. *кудн'э* «домик» (*куд* «дом»); венг. *vekonny* «тонкий» и т. д.

Мы ограничимся этими примерами. Общефинноугорских словообразовательных суффиксов насчитывается свыше двух десятков. В пермских языках часть прежних суффиксов потеряла свою продуктивность, сохранившись лишь в немногих словах в застывшем виде, например: удм., к.-з. *вурьс* «шов» (*вур-* «шить»); удм. *пелес* «ушко в лапте»; к.-з. *пельöс* «угол» (удм., к.-з. *пель* «ухо») и т. д.

Мы привели лишь некоторые иллюстрации обогащения словарного состава пермских языков; при этом мы коснулись лишь сложения слов и суффиксации. В пермских языках можно выявить сотни и тысячи сложных и производных слов, образованных в разные периоды жизни этих языков. Имеется возможность путем сравнительно-исторического анализа установить определенные лексические слои хронологического порядка и тем самым поставить историческую лексикологию на твердые основы. К сожалению, история пермских языков еще ждет своего исследователя.

При развитии «словарного запаса» проявляется и целый ряд других способов «развертывания и совершенствования элементов существующего языка». В качестве иллюстрации приведем несколько примеров из коми-зырянского литературного языка на неологизмы советской эпохи, в течение которой лексика языка коми претерпела исключительно большие изменения, ибо коренные изменения в структуре общества, в хозяйстве и культуре его вызвали к жизни сотни новых слов. Часть этих слов, как уже говорилось выше, заимствована из русского языка. Другая часть образована средствами родного языка. В качестве основных способов образования неологизмов из материала родного языка нужно считать (применительно к коми-зырянскому литературному языку) следующие:

Неологизмы образованы путем сложения слов: *изиом* «каменный уголь» (*из* «камень, каменный», *шом* «уголь»); *бöрöкoльöм* «отсталый», буквально: «позади оставшийся» (*бöрö* «назад», *кольöм* «оставшийся»); *водзынмуньс* «передовой», буквально: «впереди идущий» (*водзын* «впереди», *муньс* «идущий»); *вöрлэдзöм* «лесозаготовка», буквально: «спуск леса» (*вöр* «лес», *лэдзны* «спускать, т. е. возить к реке»); *подув пуктысь* «основатель» (*подув* «основа, подножье», *пуктысь* «кладущий, положивший»); *ставсоюзса* «всесоюзный» (*став* «все», *союзса* «союзный»); *серпас* «рисунок» (*сер* «узор, пестрота», *пас* «знак») и т. д.

Новые слова образованы путем суффиксации: *индöд* «указание» (*инд-* «указывать»); *ломтас* «топливо» (*ломт-* «топить»); *тöдчанлун* «значение», *тöдч-* «быть заметным, ощутимым», *тöдчан* «заметный, ощутимый», *лун* — суффикс, посредством которого образуются от качественного прилагательного существительные); *позянлун* «возможность» (*позьö* «можно», *позьны* «быть возможным»); *чукöстчöм* «призыв» (*чукöстчыны* «подать голос»); *кыптöм.лун* «подъем» (*кыптыны* «подниматься, возвышаться»).

Изменение значения слов (употребление слов конкретного значения в абстрактном значении): *котыртны* — прежнее значение «соединить разрозненное», современное литературное «организовать»; *дзоридзавны* — обозначало «цвести» (о ягодах), в литературном языке обозначает также «вообще цвести, расцветать, процветать»; *вынйёр* «сила» > «сила, мощь» (например, государства); *овмёс* «имущество, крестьянское хозяйство» > «всякое хозяйство» (сельское хозяйство, социалистическое хозяйство); *тыртны* «выполнить» (план) — раньше *тыртны* обозначало «заполнить»; *уджавны* «работать, функционировать» (об учреждении) — раньше *уджавны* обозначало «выполнять физическую работу»; *видзму* — раньше имело значение «обрабатываемая земля, поля и покосы», теперь «сельское хозяйство»; *юкён* — раньше обозначало «доля, часть», теперь приобрело новое значение «отрасль»; *жугодны* — «разбить что-нибудь материальное» (посуду, стекло и т. п.), теперь приобрело отвлеченное значение «разбить, уничтожить» (например, врага); *зильны* — обозначало «стараться», стало обозначать также «стремиться» (*зильём* «стремление»); *пёртны* (*олёмё*) — «осуществить, провести в жизнь», буквально: «превратить в жизнь»; *подув* — «подножие» > «основа».

После Великой Октябрьской социалистической революции в связи с организацией автономных административных единиц в процессе формирования удмуртской, коми-зырянской и коми-пермяцкой социалистических наций происходит перемалывание территориальных диалектов в едином национальном языке. Лексические диалектизмы в литературных языках этих народов и с п о л ь з о в а н ы в широкой мере. Приведем примеры из коми-зырянского литературного языка: наряду со словами *кось* «драка», *косясьны* «драться» из сыктывкарского диалекта, легшего в основу литературного языка, в литературе употребляются диалектные синонимы этих слов *тыш*, *тышкасьны*, но в несколько ином значении — «бой, битва» и «сражаться, бороться»; наряду с сыктывкарским *перыны* «извлечь, вытащить, добыть» употребляется диалектный синоним этого слова *шедёдны* в более отвлеченном значении «добиться» (например, успехов), «получить» (например, образование). Следующие диалектные слова взяты в литературный язык без больших изменений в значении: *чолём* «привет», *чолёмавны* «приветствовать», *ёрт* «товарищ», *сюрс* «тысяча», *эскыны* «верить» (создано производное слово *эскёдны* «заверить»), *шензбыны* «удивляться» и т. д. Некоторые из этих слов употребляются в литературном языке как синонимы слов сыктывкарского говора, например *веритны* и *эскыны* «верить», *дивуйтчыны* и *шензбыны* «удивляться», *тысяча* и *сюрс* «тысяча» и т. д. Из приведенных примеров уже видно, какую важную роль играют лексические диалектизмы в деле обогащения словаря литературного языка младописьменных народов.

7

В литературных языках пермских народов, как и в других языках СССР, после Октябрьской революции произошли громадные изменения. Особенно большие изменения произошли в словарном составе и в семантике слов. К сожалению, изучением этих изменений пермских языков до сих пор никто серьезно не занимается. Не организовано и изучение лексики более раннего периода в аспекте сталинского учения об основном словарном фонде и словарном составе; между тем с момента появления письменности возможно проследить изменение словарного состава языка в более широких масштабах, чем это мы сделали, путем сравнительно-исторического анализа заимствований сложных и производ-

ных слов. Словарный состав языка постепенно обновляется, одни слова выходят из употребления, появляются другие.

В памятниках древнепермской письменности (XIV—XVII вв.) мы находим ряд таких слов, которых современный язык коми не знает (*кэжас'ан* «надежда», *йорд'йалны* «судить», *пблтос* «дух», *вэр* «раб», *кэжалны* «ожидать», *вис'* «жертва», *ури* «мир, согласие», *мылём* «милость», *вэлмös'с'ыны* «явиться», *мезös* «спаситель» и др.); у ряда слов, по сравнению с древнепермским языком, в современном языке изменилось значение (*вöйпны* др.-перм. «говорить», соврем. коми— «хулить»; *вомыз'ас'ны* др.-перм. «удивляться», соврем. коми «заболеть от глаза»; *гаж* др.-перм. «желание», соврем. коми «веселье»; *мыж* др.-перм. «грех, долг», соврем. коми— «вина, провинность» и т. д.). В словарях удмуртского и коми языков, составленных в XVIII—XIX вв. (Савваитов, Лыткин, Рогов, Видеман), мы встречаем немало слов, теперь не употребительных.

Приведенный нами материал показывает, что история языка может пролить свет на происхождение и формирование народа и на его родственные связи с другими народами, восстановить существенные черты прошлой культуры, показать, с какими народами был связан данный народ, какие культурные влияния испытал он с их стороны и какое влияние оказал на них сам. Весьма видное место при разрешении этих вопросов занимает историческая лексика, ибо лексика исключительно тесно связана с историей народа, она является показателем уровня развития языка в целом на любом историческом этапе жизни народа.

В результате многовекового развития пермские языки, в частности их словарный состав, настолько обогатились, что стали могучим орудием социалистического строительства: пермские народы, как и другие народы СССР, на родном языке читают труды основоположников марксизма-ленинизма, классиков русской литературы и оригинальные романы, повести, поэмы, имеют свою периодическую печать, слышат родную речь на сцене, по радио и т. д. Несомненно, что в период постепенного перехода от социализма к коммунизму развитие этих языков пойдет еще более быстрыми темпами, ибо Коммунистическая партия и Советское правительство создали все условия для развития и расцвета национальных культур и национальных языков в нашей стране.